

Литературные очерки

4119

без которого можно было бы обойтись. Но в общем, роман г-ни Шапурь принадлежит к числу лучших беллетристических произведений последнего времени. Нельзя того же сказать о произведении г-на Дядлова. Это — вещь в высшей степени слабая, с претензиями на какую-то особенную глубину психологического анализа. Такие произведения всегда возбуждают неприятное чувство. Написан г-н Дядлов просто небольшой рассказ, его бы прочитали и совершенно забыли так, как и все прочие произведения этого автора. Но он хотел свою «Куколку» обобщить; хотел показать, что каждый человек, в своей духовной жизни, прежде, чем сделаться бабочкой, переживает состояние куколки. Показать, — это его не показали, так как приемы его оказываются совершенно неубедительными и ничтожными с эстетической точки зрения. А между тем, его непопулярные претензии, ни мало не оправдываемые талантом автора, существуют и действуют на читателя в высшей степени неприятно. Невольно ему припоминается русская пословица «о сверчке и шестях». Это тем неизбежно, что писателей, подобных г-ну Дядлову, в последнее время развелось чрезвычайно много. Современный литературный обозреватель вынужден с такими обстоятельствами быть так, как можно снисходительнее. Если в общем нельзя требовать от литературы столько часто крупных произведений, то, по отношению к русской беллетристике настоящего времени, мы находим особы: сияющие обстоятельства: теперь и русское общество, и русский народ переживает, сравнительно, затмение. Все крупнейшие реформы последнего времени устанавливаются, проверяются, и, в социальную, в очень многих случаях урываются. Такое время, как видно, неудобно для появления крупных беллетристических произведений. Мы их и не ищем, но никак не имеем полное право рассчитывать, что бы могли произведения, вполне свойственные настоящей эпохе, не ради-

лись в неподходящие им костюмы. Из модных современных писателей только одного г-на Чехова нельзя упрекнуть в излишней притязательности. Все остальные, очевидно, считают себя выше, чем они на самом деле есть. Но о г. Чехове я еще буду говорить особо.

II.

Съ серьезными статьями научного и публицистического характера в русской литературе обстоят в настоящее время лучше. Каждая книга толстых журналов заключает в себя статью в этом роде, а некоторые имеют даже по несколько больших статей такого содержания. В каждом номере «Св. В.», например, — журнала, несомненно, чрезвычайно почтенного, есть несколько таких статей. Они сделаны даже самым сухим для литературного журнала именем вследствие обилия серьезных статей. В последнее время возникла полемика по основным социологическим вопросам между четырьмя серьезными русскими писателями социологами. Писатели эти: Н. К. Михайловский, Д. З. Соловьевский, С. Н. Южаков и Г. Лесевич. Последний, впрочем, в этой полемике активного участия не принимает. Он только дает ей повод и святославские основания. Его прекрасные статьи о научной философии («Св. В.») должны были пенного разбудить наших социологов. Дело в том, что г. Лесевич, с глубоким знанием дела, разбирает современных последователей Конта и Канта в Германии. Тут нет игры булав. Современные эмпирические кантисты, сколько я понимаю, берут в основание своих философствований и положительную теорию Конта, и умозрительную теорию Канта. Г. Лесевич находит, по видимому, что это впрямую, но с этим согласиться решительно невозможно, так как основной метод философствования может быть у одного философа только один. Д. З. Соловьевский в своей статье «Миссия социологии» старается доказать, что истинная теория Огюста Конта — это «Позитив-

вой политикъ» слѣдуетъ тому-же эмпиосооскому методу, который Контъ со-здаль и гениально выдержалъ во всемъ своемъ «Курсѣ Позитивной Философіи». Но я думаю, что если въ этомъ отноше-ніи г. Слонимскій не стоитъ единич-но, то, во всякомъ случаѣ, товарищей у него очень мало. Г. Лесевичъ ни ка-кого не владаетъ и просто признаетъ справедливость и законоасть идеальной основы въ новейшей эмпиософи. Мы видимъ превосходный примѣръ актив-наго признака этого начала въ проли-веденіяхъ нашего бывшаго эмпиософа Н. Я. Грота. Но и, хоть и не эмпиософъ, а по простому здравому смыслу, никакъ не могу признать реали го, действую-щаго въ жизни и исторіи начала, непо-дищаго отъ личности. Это неистъ песто-линыиъ читателямъ можетъ показаться страннымъ. Я всегда признавалъ и въ настоящее время признаю громадное значение личности, но, — *entendons nous, es исторіи эпохи, es исторіи народа и, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, es исторіи человечества*, до-ступной нашему историческому насле-дованію. Но, не сходя даже съ проше-наго земнаго шара, мы все такъ знаемъ, что уже и для насъ безвозвратно исче-ло много цивилизацій, гдѣ е доступ-ноиъ намъ опредѣленіи влияния лично-сти и рѣчи быть не можетъ. Что же будетъ, если мы дадимъ своей фантазіи разгуляться дальше? Види въ другихъ небесныхъ сферахъ мы не можемъ при-ва не признавать присутствіи существъ, по всей вѣроятности, гораздо высшихъ насъ въ смыслѣ органическаго развитія. Что же тогда ввачать наши теоріи про-гресса? Види очевидно, что мы, какъ явленіи, сравнительно низшаго порядка, представляемъ отдаленные продукты не только биологическихъ, но и космогни-ческихъ причинъ. Поэтому, удивитель-но странно, даже съ точки зрѣнія Огю-ста Конта, приписаніе въ причину и не-посредственную связь социологіи съ биологіей, а подробное проведеніе парал-лели между явлениями этихъ двухъ кате-горій, какъ это дѣлаетъ Н. К. Михай-ловскій, и совсѣмъ не выдерживаетъ кри-

тики. Это нужно считать слишкомъ сло-ро обобщающимъ продуктомъ совсѣмъ не научной фантазіи. Вотъ изъ чему это пришло. Вотъ что говоритъ г. Слоним-скій вообще о научныхъ работахъ г. Михайловскаго.

Въ прежнее время, при господствѣ исто-рической школы, въ нѣмецкой социальна-учной литературѣ, принято было устанавли-вать извѣстныя степенн развитія въ ходѣ общественной жизни. Гегель различалъ три ступени:—семейство, гражданское общество и государство. Робертъ-фонъ-Мольтъ припи-малъ шесть концентрическихъ сферъ:—лич-ности, семьи, племена, общества, государст-ва, союза государствъ. Нашъ авторъ, о сочи-неніяхъ котораго мы говорили выше, *) счита-етъ, повидимому, своею собственностью эту старую идею о тѣлахъ и ступеняхъ развитія, хотя онъ придалъ ей только невозможныиъ видъ и смыслъ, включивъ въ классификацію еще клѣточки и органы. Притомъ, и общест-во, и человекъ, и клѣточка прикрыты у не-го однимъ словомъ: «индивидуальность». Если мы оставимъ въ сторонѣ такую ниную со-циологію и обратимъ вниманіе на практиче-скіе выводы изъ положеній автора, то намъ нвозможно броситъ и въ глаза одно странное обстоятельство. Оказывается, что онъ не от-личаетъ общества отъ государства и упо-требляетъ оба выраженія такъ, какъ будто они совпадаютъ, повидимому, онъ и не по-дверждаетъ, что въ этомъ случаѣ онъ слѣду-етъ чисто консервативной и даже реакціон-ной точки зрѣнія. Иногда и народъ отожде-ствляется у него съ государствомъ; по его словамъ, Петръ Великій «совсѣмъ подчи-нилъ всѣ личные интересы интересамъ рус-скаго народа». Такъ какъ Петръ I, оконча-тельно закрѣпостилъ массу свободныхъ (еще ввествывъ и «гулящихъ людей», приравнивъ ихъ къ холопамъ, то говорить о служеніи его «интересамъ русскаго народа» можно только въ томъ случаѣ, если нзи понятія о народѣ исключить крестьянство.

Далѣе, неуклонно отстаивая индивидуальныя права личности противъ общества (а не только противъ государства и его органовъ), авторъ является какъ бы теоретикомъ либерализма въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Та-кихъ безусловныхъ либераловъ индивидуали-стовъ, готовыхъ даже бороться противъ об-щества, но ния своей личной самостоятель-ности, едва-ли можно было бы еще найти въ

*) Н. К. Михайловскій.

современной Европѣ.**) Вездѣ либерализмъ, возставая противъ административныхъ стѣнъ, считаетъ долгомъ заявить готовность жертвовать своими интересами для общественной пользы, и никому еще не приходила въ голову мысль о борьбѣ съ обществомъ, къ которому человекъ принадлежитъ,—и эта мысль составляетъ дѣйствительно оригинальную черту «соціальной философіи» автора. Провѣдуя узкій либерализмъ, авторъ въ тоже время нападаетъ на либеральные принципы и высмѣиваетъ ихъ, какъ бы не замѣчая, что его собственная теорія ничего другаго не содержитъ, кромѣ односторонняго брэннизма. Онъ стоитъ или за государственное вмешательство, не останавливаясь даже надъ вопросомъ о томъ, какое государство будетъ вмешиваться, и чѣмъ будетъ гарантирована польза такого вмешательства для народа; при этомъ забывается также борьба за индивидуальность. Словомъ, одно недоразумѣніе слѣдуетъ за другимъ, одна путаница—за другою.

Я думаю, что теперь среднему читателю понятна сущность спора гг. социологовъ, конечно, настолько, на сколько она понятна и мнѣ самому. Все сводится, въ послѣднемъ основаніи, къ тому, что одинъ школа глубоко верить въ тождество развитія органическаго міра и человѣческаго общества. Другая признаетъ эту фразу только хорошей аллегоріей. Я бы могъ провести эту параллель разномасштабно гораздо дальше, но это потребовало бы новыхъ разъясненій, которыя я послѣдно не отказываюсь дать, но такъ какъ споръ еще далеко не оконченъ, то могу это и отложить.

С. Н. Южаковъ активно въ этотъ споръ не вмешивался до сихъ поръ. Его замѣтка въ четвертомъ номерѣ «Свѣт. В.» говоритъ только о томъ, какъ правильно писать: интеграція или интегрированіе, дезинтеграція или дезинтеграція, и т. п. Это—споръ о букввахъ, а не о словахъ и не о фактахъ. Сколько мнѣ извѣстно, эти основныя понятія социологіи всѣми понимались до сихъ поръ одинаково.

С. СЫЧЕВСКИИ.

**) Такою личностью былъ лордъ Байронъ, и только въ смыслѣ борца противъ общества, а не на ода. Другіе только боролись противъ общественныхъ аномалій.